

Въ память пятисотлѣтія Косовской битвы.

(Чтеніе въ торжественномъ собраніи Кіевскаго Славянскаго благотворительнаго Обществе 11 мая 1889 года, въ день свв. первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія).

Скромная по формѣ и по размѣрамъ дѣятельность Кіевскаго Славянскаго Общества преслѣдуетъ, между прочимъ, одну весьма высокую цѣль: развитіе и укрѣпленіе на Руси славянскаго самосознанія. Стремясь къ достиженію этой цѣли, наше Общество всегда по мѣрѣ силъ и возможности старалось о распространеніи среди русскихъ образованныхъ круговъ и вообще въ народѣ вѣрныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній о родственныхъ славянскихъ народахъ, ихъ историческихъ судьбахъ и современномъ состояніи, ихъ отношеніяхъ къ Западу и Россіи, ихъ бытѣ и образованности, ихъ политическихъ и національныхъ стремленіяхъ. Однимъ изъ главныхъ средствъ къ тому, помимо изданія книгъ по славяновѣдѣнію, издавна служили устраиваемыя Обществомъ чтенія о славянствѣ. Публичныя собранія Общества, пріурочиваемыя къ достопамятнымъ въ славянской исторіи днямъ, уже неоднократно давали поводъ нѣкоторымъ его членамъ обращаться съ живымъ словомъ о славянствѣ къ болѣе или менѣе многочисленной аудиторіи. Въ дни же, посвященные памяти незабвенныхъ солунскихъ братьевъ свв. Кирилла и Меѳодія, славныхъ носителей великой идеи культурнаго единства славянъ, умѣстнѣе чѣмъ когда-либо думать и говорить о славянствѣ и тѣмъ будить наше славянское самосознаніе.

Пользуясь этимъ установившимся у насъ столь прекраснымъ обычаемъ, я беру на себя смѣлость въ настоящій кирилло-меѳодіевскій день воскресить въ памяти почтеннаго собранія одно изъ величайшихъ

событій сербской исторіи, представляющее не только частный или мѣстный, но и болѣе широкій, общеславянскій интересъ. Въ нынѣшнемъ году исполняется 500 лѣтъ со дня знаменитой битвы на Косовомъ полѣ, гдѣ сербскій народъ, предводимый своимъ доблестнымъ княземъ Лазаремъ, сдѣлалъ послѣднюю геройскую попытку отстоять свою независимость противъ турокъ-завоевателей. Битва эта, происходившая 15-го іюня 1389 года, сопровождалась страшнымъ кровопролитіемъ, стоила неимовѣрныхъ усилій народу, лишила его массы вѣрныхъ сыновъ и вождя князя Лазаря и въ концѣ концовъ имѣла печальный исходъ для славянства: она положила конецъ самостоятельности сербскаго народа и государства и въ значительной степени обусловила дальнѣйшіе успѣхи турокъ на Балканскомъ полуостровѣ. Не удивительно, что эта роковая битва произвела сильное впечатлѣніе на народъ, врѣзалась въ его памяти и издавна стала любимымъ сюжетомъ цѣлаго цикла превосходныхъ созданій народнаго творчества, доселѣ живущихъ въ устахъ народа. Вотъ это важное историческое событіе сербскій народъ на всемъ протяженіи занимаемой ими территоріи и собирается торжественно помянуть 15-го іюня. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что наше Славянское Общество и вообще нашъ древній городъ, имѣвшіе удовольствіе привѣтствовать на прошлогоднемъ великомъ русскомъ праздникѣ многочисленныхъ сербскихъ гостей, въ свою очередь примутъ посильное участіе въ предстоящей исторической поминкѣ и тѣмъ еще разъ засвидѣтельствуютъ о великой племенной и культурной связи, соединяющей русскій и сербскій народы. Какъ скромное выраженіе этого участія пусть будетъ принято и настоящее краткое слово въ память Косовскаго побоища.

Перенесемся мысленно въ глубь вѣковъ, въ эпоху непосредственно предшествовавшую Косовской битвѣ. Взглянемъ, что такое представлялъ изъ себя славянскій міръ во второй половинѣ XIV в., когда рѣшался вопросъ о великомъ политическомъ переворотѣ на Балканскомъ полуостровѣ, вопросъ объ образованіи на юго-востокѣ Европы могущественнаго османскаго государства. Припомнимъ вкратцѣ политическую обстановку, при которой сербскому народу пришлось вступить въ послѣдній, рѣшительный кровопролитный бой съ турками.

Не свѣтлая, а скорѣе безотрадная, печальная картина открывается славянскому историку, углубляющемуся въ данную эпоху. Міръ славянскій является передъ его глазами разрозненнымъ, безпомощнымъ, тѣснимымъ со всѣхъ сторонъ врагами, безсильнымъ для внѣшней борьбы и ослабленнымъ внутри. Съ востока на него надвигался могущественный мусульманскій завоеватель, но вѣдь не онъ одинъ угрожалъ славянству. Въ XIV ст. предъ нимъ стоялъ и другой, еще болѣе страшный, давнишній его врагъ—міръ западный, латинскій, романо-германскій. Въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, начиная уже съ самыхъ первыхъ моментовъ своего выступленія на историческую сцену, славяне должны были выносить на себѣ натискъ этого врага, защищая противъ него свою политическую и національную самостоятельность. Въ данную эпоху міръ романо-германскій, благодаря энергическимъ усиліямъ германскихъ императоровъ, папъ, крестоносцевъ, Венеціи и Угріи достигъ уже значительныхъ успѣховъ въ своемъ настойчивомъ „движеніи на востокъ", въ своемъ историческомъ стремленіи поработить политически и культурно міръ греко-славянскій. Онъ крѣпко наложилъ свою тяжелую руку на сѣверо-западныхъ славянъ, частью подчинилъ ихъ себѣ и овладѣлъ ихъ землею, частью разъединилъ обольстилъ, превратилъ въ своихъ союзниковъ, заставилъ работать на пользу себѣ и во вредъ славянству. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ владѣетъ уже сильными позиціями и на славянскомъ югѣ и вообще на Балканскомъ полуостровѣ, постоянно стремится къ тому, чтобы еще болѣе утвердить здѣсь свое вліяніе и не покидаетъ мысли о повтореніи четвертаго крестового похода, т. е. о завоеваніи Константинополя и возстановленіи Латинской имперіи на востокѣ. Балтійскіе и полабскіе славяне уже вполнѣ порабощены Германіей и переживаютъ процессъ усиленной германизаціи. Подобной же участи подверглись словенцы въ Штиріи, Хорутаніи и Крайнѣ. Чешское королевство, управляемое Люксембургской династіей, сдѣлалось частью германской имперіи: чешскій народъ доведенъ до крайней степени національнаго униженія, подавленъ романо-германскими началами и стоитъ наканунѣ великой борьбы противъ иноземщины, выразившейся въ Гуситствѣ и религіозныхъ войнахъ. Польша, обезпечившая себѣ политическую самостоятельность на болѣе или менѣе продолжительное время только подъ условіемъ коренныхъ уступокъ міру романо-германскому, усвоившая себѣ начала этого міра какъ свои

родныя, является служанкой враговъ славянства и увлечена своей культурной миссіей на литовско-русскомъ востокѣ. Овладѣвъ Галицкимъ княжествомъ, она осуществляетъ, всего за три года до Косовской битвы, литовско-польскую унію, какъ извѣстно, не принесшую ни той, ни другой сторонѣ ничего кромѣ вреда. Славянскія племена, нѣкогда составлявшія ядро Велико-Моравскаго княжества, теперь входятъ въ составъ угорскаго или мадьярскаго государства, которое въ отношеніи культуры примкнуло къ міру западному, романо-германскому. Въ качествѣ форпоста этого міра Угрія стремится утвердить свое господство надъ южно-славянскими землями Балканскаго полуострова. Она включила въ свои предѣлы Хорватію и Далмацію, усиливается въ при-Дунайской Сербіи, опекаетъ Боснію и Захолмье (поздн. Герцеговина) и подстрекаемая папами протискивается все далѣе въ глубь полуострова. Соперницей Угріи въ достиженіи тѣхъ же цѣлей выступаетъ Венеціанская республика, которая не хочетъ выпустить изъ своихъ рукъ Далмаціи и вообще не разстается съ мыслью о расширеніи своего политическаго и торговаго вліянія на полуостровѣ. Сверхъ того во многихъ частяхъ Греціи, на островахъ Архипелага, въ Галатѣ, подъ самымъ Константинополемъ господствуютъ разные западные, латинскіе владѣтели, преимущественно потомки рыцарей, завоевавшихъ Царьградъ въ 1204 году. Сама Византійская имперія въ данную эпоху доведена до крайней степени паденія. Ослабленная сосѣдями, измученная борьбой съ многочисленными врагами, разлагающаяся внутри, она медленно приближается къ полной смерти. Итакъ южные славяне, подобно сѣверо-западнымъ, были сильно стѣснены и угрожаемы міромъ западнымъ, романо-германскимъ [1]). Что же сталось съ южно-славянскими государствами, съ нѣкогда могущественными царствами—болгарскимъ и сербскимъ? Увы! и отъ нихъ въ послѣдней четверти XIV ст. оставались одни обломки. Взаимное соперничество этихъ государствъ, неумѣніе ихъ правителей установить правильныя отношенія къ Византіи, ненормальное развитіе внутренней жизни—все это обусловило непрочность и недолговѣчность южно-славянскихъ государствъ. Болгарское царство, постепенно терявшее свое могущество уже съ конца XIII ст., со смертью послѣдняго замѣчательнаго царя Іоанна Александра распалось на два царства, которыя раздираются усобицами государей, религіозными смутами и соціальными недугами. Сербское царство, доведенное Сте-

фаномъ Душаномъ въ половинѣ XIV ст. до необычайнаго политическаго могущества уже не существуетъ: послѣ смерти Душана оно разлетѣлось, по выраженію одного современника, на тысячу кусковъ. Вмѣсто единой монархіи мы видимъ теперь значительное количество болѣе или менѣе мелкихъ областей, управляемыхъ самостоятельными властелями, которые ведутъ между собой усобицы, оспариваютъ другъ у друга главенство въ землѣ и не заботятся о поддержаніи въ ней порядка и безопасности отъ враговъ. Эти областные князья не умѣютъ даже сохранить уваженія къ царствующему дому Неманичей, и послѣдній его представитель сынъ Душана, малолѣтній Урошъ, номинально носившій титулъ царя падаетъ жертвой крамолы властелей [2]). Непомѣрное своеволіе многочисленнаго сословія властелей, униженное, безправное положеніе народной массы, прикрѣпленной къ землѣ и обремененной непосильными налогами, развитіе т. н. баштинной и проніарной формы землевладѣнія—вотъ главныя черты, коими характеризуется внутреннее состояніе сербскихъ земель въ данную эпоху.

Изъ сказаннаго не трудно понять, въ какомъ тяжеломъ, безвыходномъ положеніи находились южные славяне въ ту пору, когда съ востока на нихъ надвигалась черная туча, вскорѣ разразившаяся страшной грозой на всемъ Балканскомъ полуостровѣ и затѣмъ пронесшаяся далеко за Дунай. Не имѣли они ни одного сильнаго государства, которое могло бы принять на себя дѣло организаціи борьбы съ турками. Раздѣленные политически между множествомъ самостоятельныхъ областей, управляемые деморализованными властельскими родами, разъединенные въ культурномъ отношеніи, измученные неправдой, царившей во внутреннемъ строѣ жизни, наконецъ вѣчно окруженные происками и кознями латинскаго Запада, они, конечно, не могли и думать объ единодушномъ и успѣшномъ отпорѣ новому завоевателю, незнали, гдѣ и откуда искать помощи и спасенія. Не могла прійти эта помощь отъ сѣверныхъ братьевъ, которые, какъ напр. чехи, готовились къ борьбѣ съ латинскимъ Западомъ, или, какъ поляки, дѣйствовали заодно съ этимъ Западомъ. Не могла помочь своимъ единоплеменникамъ и православная Русь, которая въ данную эпоху сама еще томилась подъ тяжелымъ татарскимъ игомъ. Правда, здѣсь, на славянскомъ Востокѣ, уже занималась заря новой жизни; Русь начинала собираться около Москвы и славная Куликовская

битва, происшедшая всего за девять лѣтъ до Косовской битвы, служила предзнаменованіемъ будущаго полнаго торжества православнаго креста надъ мусульманскимъ полумѣсяцемъ; тѣмъ не менѣе не мало должно было пройти времени, чтобы наше отечество сложилось въ сильное государство, не мало пришлось нашей Руси вынести бѣдъ, всякаго горя, тяжелой борьбы, прежде чѣмъ она стала въ силахъ протянуть руку помощи своимъ угнетеннымъ единоплеменникамъ, дабы тѣмъ выполнить свое міровое, историческое призваніе.

Объ отношеніяхъ міра западнаго, латинскаго, къ южному славянству было сказано достаточно, чтобы признать всю невозможность помощи съ этой стороны, въ противоположность утвержденію многихъ западныхъ историковъ, сваливающихъ всю вину за турецкій погромъ на религіозный фанатизмъ православныхъ христіанъ. Западный латинскій міръ самъ думалъ о политическомъ и культурномъ порабощеніи Балканскихъ христіанъ и если не успѣлъ вполнѣ осуществить свое намѣреніе, то потому только, что его предупредили турки. Всего за нѣсколько лѣтъ до Косовской битвы Людовикъ Угорскій и его преемникъ Сигизмундъ устраивали крестовые походы противъ схизматиковъ и невѣрныхъ сербовъ и болгаръ. Сербы, болгары и греки разсматривались на западѣ какъ еретики и какъ таковые не могли быть терпимы въ положеніи свободныхъ, независимыхъ народовъ. Разсчитывать на защиту и покровительство Запада, они могли только подъ условіемъ измѣны своей вѣрѣ, народности и культурѣ [3]). Какъ разъ въ ту эпоху, о которой теперь идетъ рѣчь, византійскій императоръ Іоаннъ Палеологъ объѣхалъ всѣ дворы западныхъ государей, прося у нихъ помощи противъ турокъ и вездѣ слышалъ одинъ отвѣтъ, подсказанный папствомъ: не можемъ пока не примете уніи. Но и южные славяне, и греки отлично понимали, что̀ такое унія и какія она влечетъ за собой послѣдствія, и потому избрали изъ двухъ золъ меньшее, предпочли, какъ выражается народная пѣсня, чалму папской тіарѣ. Не даромъ въ XV ст., по словамъ Димитрія Кидонійскаго, въ Константинополѣ была партія, которая стояла за добровольное подчиненіе туркамъ [4]). Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что подобные туркофилы были и среди славянъ.

Въ вышеизложенныхъ обстоятельствахъ положенія славянскаго міра вообще и юго-славянъ въ частности заключается разгадка того неимовѣрно-быстраго успѣха, съ какимъ турки совершаютъ свои за-

воеванія въ Европѣ. При этомъ, врочемъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду доблестей самихъ завоевателей. Турки XIV—XV ст. по своему характеру и привычкамъ отнюдь не походили на позднѣйшихъ изнѣженныхъ и испорченныхъ турокъ. Это былъ народъ храбрый, энергичный, прекрасно знакомый съ военнымъ дѣломъ, умѣвшій соединять съ мусульманскимъ фанатизмомъ уваженіе къ порядку, законности и значительную вѣротерпимость [5]). Основавъ свое маленькое государство въ Виѳиніи въ началѣ XIV в., турки-османы впервые появляются на материкѣ Европы въ эпоху войнъ сербскаго царя Душана съ Византіей, призванные императоромъ—узурпаторомъ Іоанномъ Кантакузинымъ. Въ 1352 г. они наносятъ пораженіе соединенному болгарско-сербскому войску на р. Марицѣ и съ этой поры учащаютъ свои нападенія на Ѳракію. Въ 1354 г. они овладѣваютъ крѣпостями Чимпой и Каллиполи и становятся твердой ногой на европейскомъ берегу. Въ 1363 г. султанъ Мурадъ беретъ Адріанополь и переноситъ сюда свою резиденцію изъ Бруссы, въ 1365 г. онъ овладѣваетъ Филиппополемъ, и съ этого времени вся Ѳракія и часть Македоніи дѣлаются областями турецкаго государства. Въ 1371 г. на р. Марицѣ происходитъ вторая битва, въ которой гибнутъ со всѣми своими войсками сербскій Краль Вукашинъ и два его брата Гойко и Углеша. Теперь турки подвигаются все дальше по направленію къ Нишу и начинаютъ одновременно угрожать Сербіи и Болгаріи. Вотъ въ эту пору, когда, казалось, не могло быть и рѣчи о сопротивленіи могущественному завоевателю, у сербовъ является доблестный мужъ, который, будучи одушевленъ горячимъ стремленіемъ спасти отечество, собираетъ сильную рать на Косовомъ полѣ, геройски борется съ турками и гибнетъ мученическою смертью „за крестъ честной и свободу“ роднаго народа.—Этотъ доблестный мужъ былъ князь Лазарь Гребляновичь.

Наиболѣе древнія сербскія лѣтописи и другіе туземные источники, вообще отличающіеся крайнею скудостью и безсодержательностью свѣдѣній, сохранили намъ лишь самыя отрывочныя, неполныя извѣстія какъ о самомъ князѣ, такъ о совершенномъ имъ великомъ подвигѣ. Позднѣйшія же письменныя сказанія отъ XVII и XVIII ст. въ значительной степени отражаютъ на себѣ вліяніе народныхъ поэтическихъ преданій. Немного помогаютъ выясненію дѣла иностранныя свидѣтельства—византійскія, турецкія, дубровницкія—которыя или

бѣдны подробностями или опять представляютъ позднѣйшій пересказъ народныхъ преданій. Эта скудость сохранившихся до насъ историческихъ данныхъ объясняетъ, почему въ исторіи сербскаго народа до послѣдняго времени господствовали невѣрные и противорѣчивые взгляды на жизнь и дѣятельность князя Лазаря и на обстоятельства Косовской битвы. Только въ прошломъ году сербская литература обогатилась нѣсколькими критическими трудами, относящимися къ этой эпохѣ (какъ напр. превосходнымъ изслѣдованіемъ почтеннаго архимандрита Иларіона Руварца [6]), которые даютъ возможность хотя до нѣкоторой степени вѣрно уяснить главныя черты жизни и дѣятельности славнаго князя Лазаря.

Князь Лазарь—одна изъ самыхъ свѣтлыхъ симпатичныхъ личностей въ старой сербской исторіи. Въ пору всеобщаго упадка, произвола, господства своекорыстныхъ стремленій онъ являетъ собой замѣчательный образецъ самой горячей и безкорыстной любви къ родинѣ, глубокаго пониманія исторіи своего народа, высокаго самопожертвованія, чисто-христіанскаго смиренія и покорности волѣ Божіей. Дошедшія до насъ историческія сказанія и народныя пѣсни сходятся въ идеализаціи этого послѣдняго защитника независимости сербскаго народа. Всю свою жизнь онъ посвятилъ благу народа, дѣлу возстановленія сербскаго государства и его обороны отъ враговъ.

Происходя изъ незнатнаго рода Гребляновичей, Лазарь (р. 1329 г.) принадлежалъ къ сонму сподвижниковъ царя Душана и жилъ при его дворѣ. Связанный съ царемъ отдаленнымъ родствомъ по своей женѣ Милицѣ, онъ едва ли не одинъ изъ числа окружавшихъ Душана властелей съумѣлъ перенести любовь и привязанность къ своему знаменитому государю на его несчастнаго сына, послѣдняго представителя дома Неманичей—царя Уроша. Въ эпоху распаденія царства, наступившую вслѣдъ за смертью Душана, одинъ Лазарь Гребляновичь остается вѣрнымъ законному государю, не покидаетъ его и всячески оберегаетъ противъ козней и крамолъ властелей, особенно противъ узурпатора Вукашина, самовольно возложившаго на себя королевскую корону. Послѣ загадочной смерти Уроша (1371 г.), послѣдовавшей, какъ это теперь можно считать доказаннымъ, вскорѣ послѣ Марицкой битвы, гдѣ въ борьбѣ съ турками погибъ краль Вукашинъ и его братья, онъ принимается за собираніе сербскихъ земель, руководясь въ этомъ дѣлѣ самыми чистыми, безкорыстными стремленіями. Не-

извѣстно точно, гдѣ было княженіе Лазаря, предоставленное ему Душаномъ. Однако, нужно думать, что оно находилось отнюдь не въ придунайской Сербіи, какъ обыкновенно полагаютъ, а гдѣ-то въ южныхъ предѣлахъ нынѣшняго сербскаго королевства. Во всякомъ случаѣ изъ источниковъ мы знаемъ, что въ короткое время границы его удѣльной области значительно расширились. Обаяніемъ своей личности, высокими нравственными качествами онъ съумѣлъ привлечь къ себѣ многихъ мелкихъ властелей и послѣ нѣкоторой борьбы съ областнымъ сепаратизмомъ добился того, что вся срединная сербская земля стала подъ непосредственное его управленіе [7]). Городъ Крушевацъ сдѣлался его столицею. Выдавъ двухъ своихъ дочерей за сильныхъ князей — Вука Бранковича, обладателя частей Македоніи и Косова поля и Георгія Страцимировича, повелителя Зеты, онъ тѣмъ самымъ утвердилъ свое вліяніе въ названныхъ областяхъ. Значительная часть сербскаго народа стала смотрѣть на него какъ на своего главу. Не смотря на это, Лазарь былъ чуждъ какихъ-либо честолюбивыхъ стремленій; онъ не только не провозглашалъ себя царемъ (какъ величаютъ его пѣсни), но даже не употреблялъ королевскаго титула и на грамотахъ просто подписывался: „Господинъ Серблемъ, Подунавію и Поморью" [8]). Онъ заботился единственно о спасеніи родной земли и роднаго сербскаго народа и главное средство къ достиженію этой цѣли видѣлъ въ возстановленіи единства и согласія между разрозненными сербскими землями [9]). Потому то, поступаясь своими правами, онъ согласился на коронованіе боснійскаго бана Твердка сербской короной Неманичей въ Милешевѣ. Твердко I, государь той сербской земли, которая вообще держалась въ сторонѣ отъ государства Неманичей и часто зависѣла отъ Угріи, теперь сталъ именовать себя „кралемъ Серблемъ, Боснія и Поморью" [10]). Путемъ этой уступки былъ заключенъ союзъ между сербами и босняками. Наконецъ князь Лазарь совершилъ еще одно дѣло высокой важности: благодаря его стараніямъ состоялось снятіе церковнаго проклятія, наложеннаго на сербскій народъ константинопольскимъ патріархомъ въ царствованіе Душана. Такимъ образомъ возстановлено было церковное общеніе, миръ и согласіе съ византійцами [11]).

Всѣхъ этихъ мѣръ, понятно, было недостаточно, чтобы поправить дѣло на славянскомъ югѣ и предотвратить катастрофу, угрожавшую балканскимъ славянамъ, но онѣ прекрасно свидѣтельству-

ютъ о патріотизмѣ и государственномъ смыслѣ князя Лазаря, неутомимо заботившагося о приготовленіи своего народа къ борьбѣ со страшнымъ врагомъ, который былъ у всѣхъ на виду. Скоро насталъ часъ этой борьбы. Уже въ 1387 году Лазарь отразилъ турокъ въ битвѣ при Плочникѣ на р. Топлицѣ, а въ 1389 г. 15 іюня, онъ встрѣтилъ несмѣтныя полчища турокъ на Косовомъ полѣ, гдѣ доблестно выполнилъ послѣдній долгъ истиннаго сына своей родины.

Косово поле не трудно отыскать на картѣ Балканскаго полуострова. Это—большой параллелограммъ верстъ 70 длины и 30 ширины, лежащій между Македоніей и Босніей, заслоненный отъ первой (на юго-востокѣ) высокимъ хребтомъ Любетинемъ, а отъ второй (на сѣверо-западѣ) хребтомъ Рогозной, орошаемый р. Ситницей и ея притокомъ Лабомъ. Въ настоящее время поле лежитъ пустыремъ; бóльшая часть его поросла мелкимъ кустарникомъ и лѣсомъ; господствуетъ на немъ уже не сербская, а албанская народность. Но въ старыя времена здѣсь сосредоточивалась историческая жизнь сербскаго народа; на самомъ полѣ или близъ него расположены наиболѣе достопамятные въ сербской исторіи монастыри и города, какъ Дечаны, Печь, Неродимле, Приштина, Призренъ и др. При взглядѣ на положеніе поля не трудно понять, что здѣсь сталкивались войска и полчища, двигавшіяся съ сѣверо-запада и юго-востока. И сколько разъ здѣсь лилась кровь! И въ XI ст. и въ XII в., и въ 1384 г., 1403, 1448, 1689 гг. Но изъ всѣхъ многочисленныхъ битвъ, которыя происходили здѣсь, мѣстные жители, особенно Сербы помнятъ только объ одномъ — о великомъ боѣ на Видовъ день 1389 г.

Историческія свидѣтельства объ этой битвѣ, наиболѣе современныя событію, какъ уже замѣчено, очень кратки [12]). Весьма любопытно, что самое древнее изъ нихъ и наиболѣе точное находится въ одномъ русскомъ памятникѣ—въ Хожденіи московскаго митрополита Пимена въ Іерусалимъ въ 1389 г., составленномъ однимъ изъ близкихъ къ митрополиту людей (вѣр. діакономъ Игнатіемъ). Проѣзжая по востоку вскорѣ послѣ 15-го іюня, русскіе путешественники слышали о Косовской битвѣ и занесли слышанное въ свой дневникъ [13]). Остальныя свидѣтельства, болѣе или менѣе древнія, сербскія, византійскія, турецкія, западныя не прибавлютъ ничего

существенно важнаго и достовѣрнаго къ свѣдѣніямъ, содержащимся въ русскомъ Хожденіи. Собирая въ одно цѣлое сохраненныя въ источникахъ краткія данныя и провѣряя ихъ критически, мы въ результатѣ получаемъ очень немного потробностей о самой битвѣ.

Турки, двигаясь съ юга, подступили къ Приштинѣ въ количествѣ 300,000 душъ, предводимые самимъ султаномъ Мурадомъ I и его сыномъ Баязидомъ. Сербское войско состояло изъ 60,000 человѣкъ, и желая занять болѣе выгодную позицію, покинуло г. Приштину и отступило за р. Лабъ, опираясь правымъ крыломъ на Ситницу, которая течетъ вдоль Косова поля, и принимаетъ въ себя Лабъ, а лѣвымъ крыломъ на горы, ограждающія поле съ сѣвера. Кромѣ дружины самого Лазаря подъ его знаменами сражались отряды его зятьевъ—Вука Бранковича и Юрія Страцимировича, воспѣваемаго въ пѣсняхъ подъ именемъ Бановича Страхиня [14]), и 20,000 Босняковъ, присланные кралемъ Твердкомъ подъ предводительствомъ Влатка Вуковича. Впрочемъ, относительно зетскаго князя существуетъ сомнѣніе, участвовалъ ли онъ въ Косовской битвѣ, такъ какъ по нѣкоторымъ извѣстіямъ онъ опоздалъ и явился на Косово тогда, когда все уже было кончено [15]). Во всякомъ случаѣ Лазарю не удалось собрать для борьбы съ турками всѣхъ южныхъ славянъ, какъ по видимому, онъ предполагалъ. Страшный бой ему пришлось принять лишь съ частью войска, какое могъ выставить сербскій народъ, да и въ этой части не оказалось должнаго единодушія. Утвержденіе нѣкоторыхъ историковъ, будтобы въ Косовскомъ побоищѣ участвовали отряды хорватовъ, угровъ, болгаръ, валаховъ и албанцевъ основаны или на вымыслѣ или на позднѣйшихъ недостовѣрныхъ свидѣтельствахъ [16]). Самому сраженію предшествовалъ геройскій подвигъ сербскаго юнака Милоша Обилича, который пробрался въ лагерь Мурата и нанесъ султану смертельную рану [17]). Убѣгая изъ враждебнаго лагеря Милошъ былъ настигнутъ и изрубленъ турками, которые затѣмъ вступили въ бой съ сербами. Первоначально послѣдніе брали верхъ, но потомъ, когда Баязидъ узнавъ о смерти отца, набросился на сербское войско со всѣми своими несмѣтными силами, сербы не смотря на свое мужество послѣ кровопролитной сѣчи были совершенно смяты. Самъ Лазарь былъ схваченъ живой и обезглавленъ у трупа Мурада. Тѣло его было погребено въ мон. Грачаницѣ на Косовомъ полѣ, а впослѣдствіи перенесено въ задушбину доблестнаго князя—мон. Раваницу [18]).

Вотъ все, что мы знаемъ о Косовской битвѣ изъ достовѣрныхъ источниковъ. Въ Сербіи не нашлось ни одного современника-книжника, который бы принялъ на себя задачу подробно описать это важное событіе. Но оно не осталось безъ обстоятельнаго историка. Историкомъ сдѣлался самъ народъ, который посвятилъ Косову цѣлый циклъ прекрасныхъ, высоко-художественныхъ созданій своего поэтическаго генія. Изучая ихъ, мы видимъ, что Косовская битва дѣйствительно поразила сербскій народъ въ самое сердце, что въ этой битвѣ онъ потерялъ своихъ самыхъ лучшихъ, самыхъ дорогихъ людей, что въ ней онъ похоронилъ свою политическую независимость и нашелъ начало продолжительнаго тяжелаго рабства. Пѣсни о Косовской битвѣ заняли самое видное мѣсто въ сербскомъ эпосѣ. Онѣ возникли вскорѣ послѣ самаго событія и затѣмъ передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе, постоянно измѣняясь и передѣлываясь. Народъ больше всего и лучше всего помнилъ Косово и сталъ пріурочивать къ событію 1389 года многія событія болѣе поздней эпохи, сталъ причислять къ Косовскимъ юнакамъ такія историческія лица, которыя дѣйствовали раньше или позже знаменитой битвы; въ его представленіи старое смѣшивалось съ болѣе новымъ, историческіе факты съ вымысломъ и легендой. Такой характеръ Косовскихъ пѣсенъ, именуемыхъ Лазарицей, отнюдь не умаляетъ ихъ высокаго историческаго значенія. Въ нихъ лучше, чѣмъ гдѣ-либо. выразились самыя свѣтлыя, гуманныя чувства народа, его трезвый взглядъ на свое прошлое, его завѣтныя мечты и надежды. Изученіе ихъ, едва только начинающееся, представляетъ большой интересъ. Вотъ въ этомъ источникѣ, созданномъ и блюдомомъ самимъ народомъ, заключаются самыя живыя подробности о Косовской битвѣ. Пѣсни эти имѣютъ отрывочный характеръ, каждая излагаетъ тотъ или другой эпизодъ битвы, подвиги того или другаго лица, но взятыя вмѣстѣ онѣ составляютъ цѣлый эпическій кругъ, что̀ дало поводъ къ предположенію, впрочемъ, недоказанному, о томъ будто бы первоначально существовала одна большая эпопея или рапсодія о Косовскомъ боѣ, которая только впослѣдствіи разбилась на отдѣльныя пѣсни [19]). Въ Косовскомъ эпосѣ мы видимъ цѣльную картину страшной народной драмы, разыгравшейся въ Видовъ день 1389 г. Эпосъ знаетъ всѣ подробности драмы и обстоятельства, предшествовавшія ей, описываетъ ходъ борьбы, даетъ характеристики участниковъ событія, объясняетъ

причину пораженія сербовъ, изображаетъ послѣдствія побоища. Передъ историкомъ стоитъ нелегкая задача разобраться въ этой массѣ и разнообразіи поэтическихъ картинъ и описаній и уловить въ нихъ историческую правду. Я считалъ бы настоящее чтеніе неполнымъ, еслибъ не привелъ хотя нѣкоторыя изъ этихъ прекрасныхъ народныхъ сказаній [20]).

По взгляду сербскаго народа пораженіе на Косовомъ полѣ со всѣми его послѣдствіями было событіе неизбѣжное, роковое, предопредѣленное свыше. Въ пѣснѣ о построеніи монастыря Раваницы, задушбины князя Лазаря, упоминаются „книги староставныя“, которыя предсказываютъ это бѣдствіе:

Возьми, князь, книги староставныя,
И посмотри, что̀ намъ книги говорятъ:
Настали послѣднія времена,
Скоро завоюютъ Турки царство
Скоро будутъ Турки царствовать,
И разорятъ наши задушбины,
Уничтожатъ наши монастыри,
Разрушатъ и церковь Раваницу.

Самъ Лазарь получаетъ предзнаменованіе въ видѣ письма о двухъ царствахъ, которое приноситъ ему превращенный въ сокола Илья пророкъ изъ Іерусалима, отъ Богородицы:

Какого ты хочешь себѣ царства?
Хочешь ли небеснаго царства,
Или хочешь царства земного?
Коли хочешь царства земного—
Сѣдлай коня, надѣвай доспѣхи,
Опояшься богатырской саблей;
Бей враговъ Турокъ безъ пощады—
И все вражье войско погибнетъ;
А хочешь небеснаго царства—
На Косовомъ полѣ строй церковь
Выводи не мраморныя стѣны,
А чистаго бархату и шелку,
И дай всему войску причаститься:
Всѣ твои воины погибнутъ,
А съ ними и ты, царь Лазарь.

Лазарь избралъ небесное царство:

Вѣдь земное царство не надолго

А царство небесное на вѣки.

Выстроилъ онъ церковь на Косовомъ полѣ:

И войску далъ святое причащенье.

Въ этой аллегоріи заключается глубокій смыслъ. Мы видѣли, что въ XIV (а и XV в.) сербамъ дѣйствительно приходилось выбирать между двумя царствами, двумя вѣрами, двумя культурами, восточной и западной. Еслибъ имъ помогъ сильный западно-христіанскій латинскій міръ, то они какъ и другіе народы Балканскаго полуострова, быть можетъ, успѣли бы оборониться отъ турокъ и на нѣкоторое время сохранили политическую самостоятельность. Но эта помощь съ Запада, какъ намъ извѣстно, предлагалась только подъ условіемъ присоединенія къ его культурѣ и измѣны народной вѣрѣ, а такая измѣна въ глазахъ народа была равносильна отреченію отъ царства небеснаго, и вотъ сербскій народъ рѣшилъ лучше одиноко выступить на встрѣчу страшному врагу и подвергнуться жестокой участи, которая его ожидала, зато сохранить свою душу, свою вѣру, свою народность а вмѣстѣ съ тѣмъ надежду на лучшее будущее. Насколько этотъ разсчетъ былъ вѣренъ, лучше всего показываетъ наблюдаемое теперь различіе въ положеніи сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ славянъ.

Подобно Лазарю и княгиня Милица мучится мрачными предчувствіями. Трогательная сцена прощанія ея съ девятью братьями Юговичами проникнута глубокимъ чувствомъ и высоко поэтична. Ей кажется, что случится великая бѣда на Косовомъ полѣ и что не видать ей болѣе братьевъ; ей хочется оставить при себѣ хоть одного, но братья Юговичи отказываются на-отрѣзъ: они должны спѣшить на Косово.

За крст часни крвцу прольевати

И за свою вѣру умрети.

И не удивительно: самъ князь Лазарь предалъ проклятію всякого, кто не пойдетъ на Косово.

Осталась Милица одна въ „бѣлой кулѣ" и ждетъ вѣстей. И вотъ одинъ за другимъ являются вѣстники съ Косова:

Какъ на завтра зарей, ранымъ-рано

Прилетѣли два чорные врана,

Воронья съ Косова чиста поля
И на теремъ бѣлый опустились,
На высокій Лазаревъ ли теремъ,
Одинъ каркнулъ, а другой промолвилъ:
„Это ль будетъ бѣлый царскій теремъ?
Что-то въ немъ да никого не видно!„
Знать никто не слышалъ этой рѣчи —
Услыхала госпожа царица,
Передъ теремъ вышла передъ бѣлый,
Тихо молвитъ вороньямъ чорнымъ:
„Богъ вамъ въ помочь, черные два ворона!
Вы откуда, два ворона, такъ рано?
Не съ Косова ль поля боеваго?
Не видали ль тамъ двухъ сильныхъ ратей?
Не видали ль, какъ они сразились?
И какое войско побѣдило?"
Воронья царицѣ отвѣчаютъ:
„Госпожа царица ты, Милица,
Мы летимъ съ Косова чиста поля,
Видѣли двѣ рати на Косовѣ,
Межъ собой они вчера сразились,
Два царя тамъ головы сложили,
Малость малая осталась Турка,
А у Серба, что и осталось,
Все израненo, окровавлено.

Не успѣли рѣчь кончить вороны, какъ является на конѣ вѣрный слуга Милутинъ.

У него семьнадцать ранъ на тѣлѣ,
Да и конь его весь кровью облитъ.

Онъ даетъ болѣе подробныя свѣдѣнія о битвѣ:

„Всѣ остались на Косовомъ полѣ!
Гдѣ погибъ нашъ славный царь Лазарь,
Много тамъ поломано копьевъ,
И турецкихъ копьевъ, и сербскихъ,
Только сербскихъ больше, чѣмъ турецкихъ,
Какъ они царя обороняли,
Именитаго Лазаря князя.

Юг Богданъ погибъ еще сначала,
Въ самой первой схваткѣ съ бусурманомъ,
Тамъ и восемь Юговичей пало,
Ни одинъ изъ нихъ не выдалъ брата:
Всякій бился сколько силъ хватило.
Уцѣлѣлъ одинъ Юговичъ Богданъ:
По Косову знаменемъ онъ вѣялъ,
Разогналъ и распугалъ онъ Турокъ
Словно соколъ голубей пугливыхъ.
Гдѣ въ крови бродили по колѣно,
Тамъ погибъ нашъ Бановичъ Страхиня.
Милошъ палъ по край рѣки Ситницы;
Край Ситницы, край воды студеной;
Онъ убилъ у нихъ царя Мурата
И еще двѣнадцать тысячъ войска.
Да проститъ грѣхи Всевышній,
Кто родилъ намъ Милоша на свѣтъ".

Еще картиннѣе выступаетъ кровопролитіе страшнаго побоища въ рѣчи, которую слышитъ отъ одного раненаго юнака косовская дѣвушка—этотъ высоко-поэтическій образъ добраго генія на страшномъ полѣ смерти:

Погляди, сестрица дорогая,
Видишь вкругъ разметанныя копья:
Гдѣ лежитъ ихъ болѣе и гуще,
Молодецкая тамъ кровь лилася,
До стременъ она коню хватала,
До стременъ и до поводьевъ самыхъ,
Добру мо́лодцу по самый поясъ:
Тутъ легли герои-воеводы [21]).

Не смотря на все мужество сербскихъ юнаковъ, битва была проиграна. Эпосъ знаетъ причину пораженія. Онъ объясняетъ несчастіе измѣной одного изъ главныхъ воеводъ, зятя князя Лазаря Вука Бранковича, при чемъ подробно излагаетъ всѣ обстоятельства, подготовившія измѣну и геройскій подвигъ другаго юнака Милоша Обилича. Главнымъ поводомъ къ этимъ двумъ противоположнымъ дѣяніямъ послужила ссора между Вукомъ и Милошемъ, вызванная и раздутая ихъ женами. Въ концѣ концовъ Вукъ наговариваетъ тестю

на Милоша, обвиняя его въ намѣреніи передаться туркамъ. На прощальномъ вечерѣ въ канунъ Косовскаго боя Лазарь пьетъ здоровье Милоша и намекаетъ, что знаетъ о готовящейся измѣнѣ. Милошъ, котораго пѣсня невѣрно называетъ зятемъ Лазаря, возмущенный этой гнусной клеветой, клянется, что онъ утромъ докажетъ, кто вѣрный слуга князя и кто измѣнникъ отечеству. Въ день Косовской битвы, какъ намъ извѣстно изъ историческихъ свидѣтельствъ, онъ пробирается въ лагерь турокъ и убиваетъ Мурата, погибая затѣмъ страшною смертью. Вукъ же Бранковичъ, не желая оказать помощи Милошу, преждевременно уводитъ свой отрядъ съ поля битвы и тѣмъ помогаетъ туркамъ одолѣть сербовъ.

А што питаш за проклетог Вука,
Проклет био и ко га родио!
Проклето му племе и колено!
Он издаде цара на Косову
И отведе дванаест хиљада
Госпо моја! Лутог оклопника.

Этотъ разсказъ сохранился во множествѣ варіантовъ; онъ рано вошелъ въ письменные памятники и доселѣ живетъ въ народныхъ преданьяхъ даже тамъ, гдѣ не поютъ косовскихъ пѣсенъ. Передаваемый въ немъ эпизодъ долгое время принимался за достовѣрный фактъ и какъ таковой заносился въ курсы сербской исторіи. Но теперь, послѣ появленія нѣсколькихъ критическихъ работъ по изученію данной эпохи, поколеблена достовѣрность этого преданія и съ Вука Бранковича въ значительной степени смыто позорное пятно, наложенное на него эпосомъ [22]). Дѣйствительно, въ древнихъ источникахъ мы не находимъ никакихъ указаній на измѣну Вука Бранковича, а то, что знаемъ о немъ, не позволяетъ считать его таковымъ. Тѣмъ не менѣе едвали возможно совершенно отвергнуть свидѣтельство преданія о причинѣ пораженія сербовъ. Предполагать голый вымыселъ въ историческомъ народномъ сказаніи нѣтъ достаточныхъ основаній. Въ чемъ-нибудь да долженъ былъ провиниться и Вукъ въ глазахъ участниковъ и очевидцевъ боя. Если онъ не перешелъ прямо на сторону турокъ, то можетъ быть, струсилъ и преждевременно отступилъ съ поля битвы; быть можетъ онъ поссорился съ княземъ Лазаремъ и не исполнилъ его военныхъ распоряженій. Однимъ словомъ въ его поведеніи во время Косовскаго боя, вѣроятно, было нѣчто пре-

досудительное, что такъ либо иначе повліяло на печальный исходъ сраженія. Наконецъ, быть можетъ, это преданіе слѣдуетъ понимать не въ буквальномъ, а въ болѣе широкомъ смыслѣ, какъ указаніе на отсутствіе единодушія и согласія между вождями-участниками боя. Вѣдь и изъ нѣкоторыхъ древнихъ письменныхъ свидѣтельствъ (XV в.) мы знаемъ, что нѣкоторая часть сербскаго войска преждевременно обратилась въ бѣгство, а въ одномъ свидѣтельствѣ даже прямо указывается, что это былъ боснійскій воевода Влатко Вуковичъ [21]). Во всякомъ случаѣ данное свидѣтельство эпоса любопытно въ томъ отношеніи, что оно правильно оттѣняетъ взглядъ народа на главнѣйшую причину всѣхъ постигавшихъ его великихъ историческихъ бѣдствій.

Таково въ общихъ чертахъ представленіе народа о Косовской битвѣ, по скольку оно отразилось въ эпосѣ. Болѣе подробное изложеніе Косовскихъ пѣсенъ завело бы насъ далеко. Здѣсь достаточно будетъ сказать, что пѣсни эти принадлежатъ, быть можетъ, къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ эпическаго творчества всѣхъ вѣковъ и народовъ.

Исходъ Косовской битвы повліялъ не только на участь сербскаго царства, но и на дальнѣйшія успѣхи турокъ при завоеваніи ими другихъ частей Балканскаго полуострова. Баязидъ, сынъ султана Мурада, погибшаго на Косовомъ полѣ, оставилъ еще маленькой Сербіи, сильно съузившейся въ своихъ границахъ, тѣнь независимости. Сынъ князя Лазаря и его преемники Бранковичи еще управляютъ страной въ званіи деспотовъ, но они платятъ дань султану и выставляютъ ему войско; сверхъ того Стефанъ Лазаревичъ вынужденъ отдать сестру свою Милену въ султанскій гаремъ. Съ этой поры сербы становятся союзниками турокъ и помогаютъ имъ въ ихъ походахъ и завоеваніяхъ, пока наконецъ въ половинѣ XV в. Сербское деспотство не было обращено въ турецкій пашалыкъ. Раньше того въ концѣ XIV в. была завоевана Болгарія, въ XV в.—Боснія и Герцеговина. Съ паденіемъ Константинополя (1453 г.) и занятіемъ Бѣлграда (1526) весь полуостровъ очутился во власти турокъ. На мѣстѣ Византійской имперіи и южно-славянскихъ государствъ образовалось могущественное Османское царство, которое надолго заслонило южно-славянскія земли отъ властолюбивыхъ поползновеній Западнаго міра и само сдѣлалось грозой для этого міра.

Я постарался, какъ умѣлъ, и насколько позволили источники, выяснить историческое значенiе Косовской битвы. Но какой же смыслъ можетъ имѣть историческая поминка, къ которой готовится сербскiй народъ? Вѣдь эта битва кончилась пораженiемъ сербовъ, лишила ихъ политической самостоятельности и повлекла за собой многовѣковое тяжелое рабство. Что же тутъ поминать? Чему радоваться? Отвѣтъ на это недоумѣнiе находится въ тѣхъ превосходныхъ созданiяхъ народнаго эпоса, на которыя мы только что обратили вниманiе. Да какъ же не поминать этихъ неустрашимыхъ борцовъ за народное дѣло, за великую идею, какими являются участники Косовскаго боя? Какъ не поминать Лазаря, доблестнаго князя-мученика, самоотверженнаго патрiота, радѣтеля и печальника о благѣ народа, причисленнаго церковью за его великiя подвиги и чистоту душевную къ лику святыхъ и свято чтимаго всѣмъ сербскимъ народомъ? Какъ не радоваться, что среди сербскихъ народныхъ дѣятелей, жившихъ 500 лѣтъ назадъ, въ самую мрачную, тяжелую эпоху, еще не совсѣмъ перевелись идеалы самаго высокаго служенiя родинѣ, беззавѣтной любви къ правдѣ и глубокаго христiанскаго смиренiя? Чествованiе памяти такихъ мужей и совершенныхъ ими дѣянiй имѣетъ высокiй смыслъ: оно поднимаетъ духъ народа, просвѣтляетъ его историческое сознанiе, ободряетъ въ годины бѣдствiй и страданiй. Все это весьма нужно сербскому народу въ настоящее тревожное время. Пятьсотъ лѣтъ прошло со времени Косовскаго боя, а между тѣмъ внѣшнее положенiе южнаго славянства во многихъ отношенiяхъ напоминаетъ тотъ порядокъ вещей, который существовалъ на Балканскомъ полуостровѣ въ послѣдней четверти XIV ст. Турцiя, столь угнетавшая славянъ послѣднiя два столѣтiя, уже не представляетъ для нихъ никакой опасности. Правда, она все еще владѣетъ частью сербскихъ земель, именно той, гдѣ лежитъ знаменитое Косово поле, но она уже вполнѣ утратила значенiе могущественнаго государства и близка къ полной гибели. Значительная часть нѣкогда подвластныхъ ей юго-славянъ вызваны къ новой самостоятельной жизни. Зато старый врагъ славянства, мiръ романо-германскiй, который такъ устрашалъ южныхъ славянъ въ XIII и XIV ст. и который сдѣлалъ для князя Лазаря неизбѣжнымъ выборъ между двумя аллегорическими царствами, небеснымъ и земнымъ, этотъ мiръ еще грознѣе и настойчивѣе, чѣмъ предъ турецкимъ завоеванiемъ, прости-

раетъ свои властолюбивыя длани къ Балканскому полуострову и не безъ успѣха выполняетъ свою старую программу. Съ другой стороны славяне какъ сербы, такъ и болгары и др. по прежнему—въ безпомощномъ положеніи; по прежнему они раздроблены политически и культурно; по прежнему вездѣ и всюду „неслоги“, ссоры раздоры; нѣтъ недостатка и въ „издайникахъ“, измѣнникахъ въ родѣ Вука Бранковича Косовскихъ пѣсенъ. При такомъ положеніи дѣлъ готовящаяся въ сербскихъ земляхъ торжественная поминка Косовской битвы должна имѣть поучительное значеніе не для однихъ сербовъ.

Дай Богъ, чтобы южнымъ славянамъ не пришлось пережить новаго Косова, новой роковой встрѣчи съ другимъ давно ихъ подстерегающимъ, болѣе страшнымъ врагомъ. Избѣгнуть этой встрѣчи, со всѣми ея ужасными послѣдствіями южные славяне могутъ только подъ однимъ условіемъ: если будутъ устранены всѣ нестроенія и раздоры въ славянскомъ мірѣ, если всѣ члены славянской семьи, во взаимныхъ отношеніяхъ будутъ руководиться исключительно началами взаимнаго уваженія, довѣрія и братской любви. За послѣднее время на славянскомъ горизонтѣ давно подернутомъ тучами блеснуло нѣсколько свѣтлыхъ, живительныхъ лучей. Будемъ вѣрить, что и для всего славянства вскорѣ займется заря новой жизни, новаго болѣе свѣтлаго будущаго....

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) О положеніи Греко-славянскаго міра въ половинѣ XIV ст. ср. мои сочиненія: а) Южные Славяне и Византія во второй четверти XIV в. 2 Тома. Спб. 1882. б) Памятники законодательной дѣятельности Стефана Душана. Кіевъ. 1888 г. в) Политическая и культурная борьба на греческомъ востокѣ въ половинѣ XIV ст. Кіевъ 1883 г.

2) Царь Урошъ и его трагическая судьба за послѣднее время послужили предметомъ цѣлаго ряда изслѣдованій и монографій полемическаго характера. Профессоръ Бѣлградской Великой Школы Панта Сречковичь въ трехъ своихъ сочиненіяхъ: 1) Нејаки Урош други српски цар (Гласник српског учено̂г друштва кн. 27. 1870). 2) Краљ Вукашин убио цара Уроша. Београд 1881. 3) Расправа о цару Урошу (Гласник кн. 64 1885) отстаиваетъ достовѣрность народнаго преданія объ убіеніи Уроша Вукашиномъ. Напротивъ того другіе болѣе критическіе сербскіе ученые, какъ арх. Иларіонъ Руварацъ (Годишњица Николе Чупића Ш. 1879 г. ст. Хронолошка питања о времену битке на Марици, смрти краља Вукашина и смрти цара Уроша) и Л. Ковачевичь („Краљ Вукашин није убица цара Уроша", „И опет: краљ Вукашин није убио цара Уроша"—Годишњица Н. Чупића. кн. Ш. 1879 и VI. 1884. „И по трећи пут: краљ Вукашин није убио цара Уроша" Б. 1886) опровергаютъ этотъ взглядъ и доказываютъ, что Урошъ нѣсколькими мѣсяцами пережилъ Вукашина, погибшаго въ битвѣ съ Турками на р. Марицѣ 26 Сентября 1871 г. Послѣднее мнѣніе, получившее вѣсъ особенно послѣ изслѣдованія извѣстнымъ историкомъ Константиномъ Иречкомъ относящихся къ данной эпохѣ документовъ Дубровницкаго архива, (Die Beziehungen der Ragusaner zu Serbien unter Car Uroš und König Vlcašin. Prag 1885. и Casopis musea Kralovstvi českého. 1886. I, II.) слѣдуетъ считать болѣе справедливымъ. Иначе думаетъ г. Вл. Качановскій, принявшій подъ свою защиту взглядъ г. П. Сречковича. (Pitanje o godini smrti srbskoga cara Uroša V i kralja Vukašina. Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti LVIII) Какъ бы то ни было теперь, благодаря указанной полемикѣ, приведены въ ясность и оцѣнены всѣ сохранившіяся весьма скудныя извѣстія о царѣ Урошѣ. Изъ нихъ во всякомъ случаѣ слѣдуетъ, что Вукашинъ если и не убилъ Уроша, то всетаки узурпировалъ у него власть и, провозгласивъ себя кралемъ, былъ дѣйствительнымъ правителемъ государства.

3) Взглядъ угорскихъ королей на предоставленную имъ со стороны папства политическую роль по отношенію къ православному юго-славянству, между прочимъ, прекрасно выраженъ въ манифестѣ, который былъ изданъ королемъ Людовикомъ въ 1356 году по случаю объявленія крестоваго похода противъ Сербовъ. Nos Ludovicus, D. g. rex Hungariae... ut catholicus et Christianissimus princeps optaverimus, et affectanter optamus intuitu Dei, et sanctae Matris Ecclesiae, et totius fidei chri-

stianae, et ad ipsius laudem et augmentationem regnum nuncupatum Rascie, quod juris predecessorum nostrorum ac nostri fuit et existit et quod de facto tentum est et tenetur occupatum per sanctae et unicae matris Ecclesiae rebelles schismaticos, infideles et catholicae fidei contemtores, ac vesanos ipsum regnum ad fidem christianam, et sanctae Matris Ecclesiae unitatem, obedientiam reverentiam debitam et honorem et ad jus nostrum trahere et traducere prout etiam tenemur et ad predicta ex debito sumus adstricti. См. Fejer, Codex diplomaticus Hungariae IX. vol. 2 p. 171.

4) На важное значеніе свидѣтельствъ Димитрія Кидонійскаго, славнаго византійскаго оратора (конца XIV ст.), поборника союза Византіи съ латинскимъ Западомъ, указалъ еще В. И. Григоровичъ въ извѣстной своей актовой рѣчи: О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV—XV столѣтіяхъ". Казань 1859 г. стр. 13, 41. О туркофилахъ въ Византіи ср. особенно двѣ его рѣчи: 1) Ῥωμαῖος συμβουλευτικός и 2) Συμβουλευτικὸς ἕτερος περὶ Καλλιπόλεως αἰτήσαντος τοῦ Μουράτου.— Migne, Patrologiae cursus completus. Series graeca T. 154. p. 961 seq.

5) Замѣчательныя мысли о Туркахъ-Османахъ высказаны проф. В. И. Ламанскимъ въ его университетской рѣчи „Могущество Турокъ-Османовъ въ Европѣ" 1882 г. и въ разныхъ мѣстахъ его монументальнаго изданія: „Secrets d'etat de Venise". S. Petersbourg. 1884.

6) О кнезу Лазару. Расправља Иларион Руварац архимандрит. У Новоме Саду. 1887. 425 стр. Это обстоятельное, критическое, къ сожалѣнію черезъ-чуръ полемическое изслѣдованіе первоначально печаталось въ Ново-садскомъ журналѣ „Стражилово". Здѣсь данъ тщательный разборъ всѣхъ сохранившихся свидѣтельствъ о жизни и дѣятельности князя Лазаря.

7) Какъ именно и изъ какихъ земель составилась „держава" князя Лазаря— на это нѣтъ вполнѣ точныхъ указаній въ источникахъ. Однако разысканія о. архимандрита Руварца (см. выше) и отчасти г. Л. Ковачевича (Вук Бранковић 1888 г. в. изд. Годишњица Николе Чупића Кн. X.) значительно уяснили и этотъ вопросъ. Между прочимъ, нужно думать, что дѣло „собиранія сербской земли" не обошлось безъ вооруженной борьбы. Такую борьбу кн. Лазарю пришлось вести напр. съ жупаномъ Николой Алтомановичемъ, отъ котораго ему достались земли Рудницкая и Ужицкая, и съ Радичемъ Бранковичемъ, который ему уступилъ Браничево. Отсюда объясняется титулъ кн. Лазаря въ его грамотахъ: Господинъ Сербљемъ, Подунавію и Поморью. Послѣднее географическое названіе указываетъ на то что Юрій Балшичъ, князь Зеты, сдѣлавшись зятемъ кн. Лазаря признавалъ его верховную власть. Кромѣ Зеты и приморской земли около Дубровника Юрій владѣлъ еще значительной частью стараго Подгорья, Будимльской жупой и Хвостномъ. (Руварацъ 143 и др.) Другой же зять Лазаря, Букъ Бранковичъ былъ господиномъ той земли, гдѣ лежатъ города Приштина, Вучитернъ и Трепче и замки Борачъ, Звечанъ и Пегричъ. Позже къ нему отошли Призренъ и Призренская область (Ковачевичъ 17.)

8) Миклошичъ, Monumenta Serbica. 205; въ грамотѣ 1387 г.: „И постави ме господина земли срьбскои и поморию и странамь подунавьскимь". На болѣе раннихъ грамотахъ князь Лазарь подписывается короче: „Господинъ Срьблемь и Подунавію". Микл. 195, 200.

9) Въ одной старой сербской лѣтописи дана такая характеристика личности и дѣятельности князя Лазаря: „По сіихъ же вьсѣхъ прѣемлеть начелство благочьстивыи кнезь Лазарь, ни же сынь ниже вьноукь прежде реченныхь цареи плѣмене кого, нь тое земли Срьбскые отъ прѣродитель своихь рожденіе и вьспитѣние бѣ, не отъ прѣпростыхъ. Сьи (Лазарь) же приемь прѣжереченную дрьжаву земли Срьбскые, бѣше моужь благь, кротькь, смѣрен же прѣизлиха, ѣкоже

и се являеть того прѣмногое смѣреніе: Сѣдшу же тому на дръжавным прѣстолѣ царей прьвыхь, никако убо вьзвысив се потьща се поставити себе царем же или кралюмь или деспотомь, нь вь смѣрении своимь благоразумвѣмь прѣбысть даже до дне исхода своего, поне име богом же и царемь ему прьвѣю даніе. Прѣжде бо самодрьжьць, цара Стефана глаголю, отдѣливь еще при животѣ своемь страну едину своего царства, тому вьручасть, сего довлити се и кнезь страны они нарицати се. Иже и вь чьсть самодрьжавіа царскаго вьзыпьдь, не хоте измѣнити кнезьчьскаго нарицанія, нь се обносе име вичим же мьньши вь весѣхь прьвьствуюшіихь кралей же и царь прѣжде того бывшіихь показа се. (Jagić, Ein Beitrag zur serbishen Annalistik. p. 108, 109. Archiv für Slavische Philologie Bd." 1876.)

10) О боснійскомъ кралѣ Стефанѣ Твердкѣ I (1353—1391) ср. Фр. Рачкаго, Pokret na slavenskom jugu koncem XIV i početkom XV stoljeća (Rad Jugoslavenske Akademije III.) и В. Клаича, Poviest Bosne do propasti kraljevstva. U Zagrebu. 1882. стр. 142—195.

11) На великія заслуги князя Лазаря въ дѣлѣ примиренія сербской церкви съ константинопольской указываютъ слѣдующіе источники: 1) Житіе деспота Стефана Лазаревича, написанное Константиномъ философомъ (Гласник српског ученог друштва XLII 258.); 2) О поставлении вьтораго патриарьха Срьблемь Кирь Савы—въ изд. Даничича Животи краљева и архиепископа српских. 1866. стр. 381—383; 3) Житіе сербскаго патріарха Ефрема (Starine, изд. Югослав. Акад. кн. XVI 38.) и 4) Житіе старца Исаіи, изданное арх. Дучичемъ (Старине Хиландарске. 1884 г.)

12) Хорошій разборъ всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ о Косовской битвѣ представленъ въ вышеотмѣченныхъ сочиненіяхъ арх. Ил. Руварца (стр. 219 и слѣд.) и Л. Ковачевича (стр. 33 и слѣд.). Ср. также А. Ѳ. Гильфердинга, Полное собраніе сочиненій Т. III. стр. 167—198.

13) Привожу здѣсь изъ „Хожденія митрополита Пимена" мѣсто, относящееся къ Косовской битвѣ. „Таже отуду (т. е. отъ Пандоракліи), повѣствуетъ авторъ „Хожденія", спутникъ митрополита, дьяконъ Игнатій, поидохомъ ко Цариграду въ сандаліяхъ въ четвертокъ на Рождество Іоанна Предтечи (т. е. 24 іюня); и наутріе въ пятокъ (25 іюня) пловуще, минухом Діополъ градъ; въ суботу же (26 іюня) обѣдохомъ на устьѣ рѣки Сахара, въ недѣлю (27 іюня) же минухомъ градъ Даонулій и Кароню градъ. Таже пловуще пріидохомъ во градъ Астравію, и тамо пребыхомъ пытающе вѣсти о Амуратѣ царѣ: бяше бо въ Турской державѣ, и мятежъ бысть велій и смущеніе много: бяше бо преже насъ турскій царь Амуратъ пошелъ ратію на Сербскаго царя Лазаря, и слышано бысть яко на Суймѣ обою убиша. Преже Амурата царя убилъ лестію вѣрный слуга Лазаревъ, именемъ Милошъ, и въ той часъ Турки поставиша царемъ Баозита, сына Амурата царя, и паки Турки превозмогоша, и яша сербьскаго царя Лазаря руками, и княжей его, и воеводъ его и боярь его и слугъ, и все воинство его; овѣхъ избиша овѣхъ же руками яша. Повелѣже Баозитъ царь Турскій Сербьскаго царя Лазаря мечемъ посѣщи. Бысть же сія битва въ лѣто 6897 на мѣстѣ зовомое Косово, и убоявшесь мятежа и пусти Пиминъ митрополитъ черьца Михаила и т. д." Такъ изложено занимающее насъ мѣсто „Хожденія" въ томъ спискѣ, по которому памятникъ изданъ въ „Русскомъ временникѣ сирѣчь Лѣтописцѣ" I ч. М. 1790 г. стр. 241—260.

Весьма отличную редакцію находимъ въ спискѣ XVII в., по которому издана первая часть „Хожденія" Сахаровымъ въ его сборникѣ „Сказанія русскаго народа" Спб. 1849. Томъ второй. Путешествія русскихъ людей стр. 97—108. Привожу и эту редакцію: „Тажъ пловуще пріидохомъ во градъ Астравію и тамо пребыхомъ и пытающе вѣстей о Амуратѣ царѣ; бяше бо царь Амуратъ Турскій пошелъ ратью на сербскаго царя Лазаря. О Амуратѣ царѣ. Бысь же сей царь

Турскій Амурать отъ роду Христіанскаго, обладая странами посредѣ Персиды, послѣдиже нарицашась Ачемія...—Таже умре Аркапъ и сынъ его Сулимен, и по Сулимени возега брать его, меншій сынъ Аркановъ, ему же имя Амурать, бѣже силою превозможе всѣхъ, и лютостію и жестокостію, и многи царства покори подъ себя на востоцѣ и на западѣ, и Турскую страну покори подъ себя. Сего ради Турскій царь нарицаемъ, поневже Турецкими странами обладая.

Таже и на христіянскаго царя Сербскаго Лазаря, вооружився, поиде. Православный же царь сербскій Лазарь со многими силами, собрався поиде противу его. Бѣ же нѣкто у Лазаря царя Сербскаго слуга вѣренъ сый, пѣцынижъ оклеветаша его, яко неправо и невѣрно служить царю. Сиидошажеся полцы обои, и бысть брань велика и сѣча зла. Оклеветанъ же онъ правую свою службу хотя показати, вииде въ полкъ Турскаго царя Амурата, являя себя бѣжаца отъ православнаго Сербскаго царя Лазаря, емуже Турстіи полцы раступпшась, дающе путь; онъ же являя себя съ любовію идуща ко Амурату царю Турскому, и внезапу вскорѣ вонзе мечь свой въ сердцѣ Амурата царя Турскаго, и въ той часъ умре Амурать, Царь Турскій. Убіевъ же бысть отъ нихъ и чудный той слуга христіапскій. И сице Турки смятошася, и начаша одолѣвати сербскія силы съ Лазаремъ царемъ надъ Турки. Таже Турки вскорѣ Амуратова сына Балзита поставляютъ царемъ надъ собою, и тако Турки начаша одолѣвати сербскаго царя Лазаря и воинство его. И яша Сербскаго царя Лазаря руками и князей его, и воеводъ его, и бояръ его, и все воинство его: овехъ избиша, овехъ же руками яша. Повелѣ же Балзить царь Турскій сербскаго царя Лазаря мечемъ посѣщи. Бысть же сія битва въ лѣто 6897. Сице убо намъ повѣдаша гражане, запе бѣхомъ въ Турской державѣ, и мятежъ бысть велій и смущеніе много въ той странѣ. И убоявшеся мятежа, и отпусти Пименъ митрополитъ черица Михаила ко Царюграду, а Михаилъ епископъ Смоленскій меня Игнатія, а Сергій архимандрить Спасскій своего черица".

Такъ какъ критическаго изданія всего памятника еще нѣтъ, то трудно сказать, какая изъ двухъ редакціи приведеннаго свидѣтельства наиболѣе древняя. Во всякомъ случаѣ данныя свидѣтельства русскаго „Хожденія" въ ряду другихъ свидѣтельствъ о Косовской битвѣ должно занимать первое мѣсто какъ по своей древности, такъ по ясности и точности.

14) О тожествѣ Юрія Страциміровича Балшича съ Страхиничемъ Баномъ или Бановичемъ Страхиней народныхъ пѣсень см. Л. Ковачевича Страхињић Бан, прилог ка изучавању српских народних песама. У Београду. 1889. (въ журналѣ „Отаџбина" кн. XXI).

15) Вопросъ объ участіи въ Косовской битвѣ Юрія Страциміровича и Зечанъ—предковъ нынѣшнихъ Черногорцевъ подробно разсматриваетъ въ выше указанной статьѣ г. Л. Ковачевичь, который и рѣшаетъ его, не смотря на отсутствіе положительныхъ историческихъ данныхъ, въ утвердительномъ смыслѣ. Иначе думаетъ Арх. Илар. Руварацъ (О кнезу Лазару стр. 356).

16) Обстоятельное изслѣдованіе этого вопроса см. въ книгѣ арх. Руварца „О кнезу Лазару" стр. 329 и слѣд.

17) Геройскій подвигъ юнака Милоша историческій фактъ, засвидѣтельствованный древнѣйшими источниками, каковы напр. „Хожденіе митрополита Пимена", Лаоникъ Халкокондилъ, Житіе деспота Стефана и др.

18) Въ настоящее время мощи князя Лазаря покоятся въ новой Раваницѣ, одномъ изъ монастырей на Фрушкой горѣ (въ Сремѣ), куда они были перенесены Сербами—выселенцами въ концѣ XVII ст.

19) Гипотеза о существованіи одной большой косовской рапсодіи и о распаденіи ея на отдѣльныя пѣсни развита съ претензіей на обстоятельность въ сочиненіи г. Армина Павича Narodne pjesme o boju na Kosovu god. 1389 (Загребъ

1877). Строгій, но справедливый разборъ этой книги и содержащихся въ ней тенденціозныхъ положеній сдѣланъ сербскимъ ученымъ г. Ст. Новаковичемъ въ изданіи „Годишњица Николе Чупића" кн. II. 1878 и въ журналѣ В. В. Ягича Archiv für slavische philologie Bd. III. 413—462.

20) Большая часть сообщаемыхъ нами здѣсь пѣсень переданы въ русскомъ переводѣ Берга (изъ сборника Гербеля Поэзія Славянъ). Кстати будетъ здѣсь отмѣтить, что къ Косовскому юбилею въ Бѣлградѣ вышло новое изданіе пѣсень о *Косовскомъ боѣ*.

21) Привожу здѣсь въ подлинникѣ эту прекрасную пѣсню (Српске народне пјесме. Скупио их и на свијет издао Вук. Стеф. Караџић. Кн. II. у Бечу 1875 стр. 315 и слѣд.):

Косовка дјевојка.

Уранила Косовка дјевојка,
Уранила рано у недељу,
У недељу прије јарка сунца,
Засукала бијеле рукаве,
Засукала до бели лаката;
На плећима носи леба бела,
У рукама два кондира златна,
У једноме лађане водице,
У другоме руменога вина;
Она иде на Косово равно,
Па се шеће по разбоју млада,
По разбоју честитога кнеза,
Те преврће по крви јунаке;
Ког јунака у животу нађе,
Умива га лађаном водицом,
Причешћује вином црвенијем
И залаже лебом бијелијем.
Намера је намерила била
На јунака Орловића Павла,
На кнежева млада барјактара.
И њега је нашла у животу,
Десна му је рука осечена
И лијева нога до колена,
Вита су му ребра изломљена,
Виде му се џигерице беле;
Измиче га из те млоге крвце,
Умива га лађаном водицом,
Причешћује вином црвенијем
И залаже лебом бијелијем;
Кад јунаку срце заиграло,
Проговара Орловићу Павле:
„ Сестро драга, Косовко девојко!
„ Која ти је голема невоља,
„ Те преврћеш по крви јунаке?
„ Кога тражиш по разбоју млада?

„ Или брата, или братучеда?
„ Ал' по греку стара родитеља?
Проговара Косовка девојка:
„ Драги брато, делијо незнана!
„ Ја од рода никога не тражим:
„ Нити брата, нити братучеда,
„ Ни по греку стара родитеља;
„ Мож' ли знати, делијо незнана,
„ Кад кнез Лаза причешћива војску
„ Код прекрасне Самодреже цркве
„ Три недеље тридест калуђера?
„ Сва се српска причестила војска,
„ Најпослије три војводе бојне:
„ Једно јесте Милошу војвода,
„ А друго је Косанчић Иване,
„ А треће је Топлица Милане:
„ Ја се онде деси на вратима,
„ Кад се шета војвода Милошу,
„ Красан јунак на овоме свету,
„ Сабља му се по калдрми вуче,
„ Свилен калпак, оковано перје,
„ На јунаку коласта аздија,
„ Око врата свилена марама,
„ Обазре се и погледа на ме,
„ С' себе скиде коласту аздију,
„ С' себе скиде, па је мени даде:
„ „ На, девојко, коласту аздију,
„ „ По чему ћеш мене споменути,
„ „ По аздији по имену моме:
„ „ Ево т' идем погинути, душо,
„ „ У табору честитога кнеза;
„ „ Моли Бога, драга душо моја,
„ „ Да ти с' здраво из табора вратим,
„ „ А и тебе добра срећа нађе,
„ „ Узећу те за Милана мога,
„ „ За Милана Богом побратима,
„ „ Кој' је мене Богомъ побратио,
„ „ Вишњим Богом и светим Јованом;
„ „ Ја ћу теби кум венчани бити.“ “
„ За њим иде Косанчић Иване,
„ Красан јунак на овоме свету,
„ Сабља му се по калдрми вуче,
„ Свилен колпак, оковано перје,
„ На јунаку коласта аздија,
„ Око врата свилена марама,
„ На руци му бурма позлаћена,
„ Обазре се и погледа на ме,
„ С руке скиде бурму позлаћену,
„ С руке скиде, па је мени доде:
„ „ На, девојко, бурму позлаћену,
„ „ По чему ћеш мене споменути,

„ „ А по бурми по имену моме:
„ „ Ево т' идем погинути, душо,
„ „ У табору честитога кнеза,
„ „ Моли Бога, моја душо драга,
„ „ Да ти с' здраво из табора вратим,
„ „ А и тебе добра срећа нађе,
„ „ Узеђу те за Милана мога,
„ „ За Милана Богом побратима,
„ „ Кој' је мене Богом побратио
„ „ Вишњим Богом и светим Јованом;
„ „ Ја ћу теби ручни девер бити.“ “
„ За њим иде Топлица Милане,
„ Красан јунак на овоме свету,
„ Сабља му се по калдрми вуче,
„ Свилен калпак, оковано перје,
„ На јунаку коласта аздија,
„ Око врата свилена марама,
„ На руци му копрена од злата,
„ Обазре се и погледа на ме,
„ С руке скиде копрену од злата,
„ С руке скиде, па је мени даде:
„ „ На, девојко, копрену од злата,
„ „ По чему ћеш мене споменути,
„ „ По копрени по имену моме:
„ „ Ево т' идем погинути, душо,
„ „ У табору честитога кнеза;
„ „ Моли Бога, моја душо драга,
„ „ Да ти с' здраво изъ табора вратим,
„ „ Тебе, душо, добра срећа нађе,
„ „ Узеђу те за верну љубовцу.“ “
„ И одоше три војводе бојне.
„ Њи ја данас по разбоју тражим “
Ал' беседи Орловићу Павле:
„ Сестро драга, Косовка девојко!
„ Видиш, душо, она копља бојна
„ Понајвиша а и понајгушћа,
„ Онде ј' пала крвца од јунака
„ Та доброме коњу до стремена,
„ До стремена и до узенђије,
„ А јунаку до свилена паса,
„ Онде су ти сва три погинула,
„ Већ ти иди двору бијеломе,
„ Не крвави скута и рукава“.
Кад девојка саслушала речи,
Проли сузе низ бијело лице,
Она оде свом бијелу двору
Кукајући из бијела грла:
„ Јао јадна! уде ти сам среће!
„ Да се, јадна, за зелен бор ватим,
„ И он би се зелен осушио.“

22) Защита Вука Бранковича отъ взведеннаго на него народнымъ преданіемъ обвиненія въ измѣнѣ представлена въ изслѣдованіи г. Л. Ковачевича, Вук Бранковиħ. Београд 1888. (Ср. мою критическую замѣтку въ Унив. Изв. 1888 г.) и въ книгѣ арх. Ил. Руварца О кнезу Лазару, стр. 360 и слѣд.

23) Такъ, въ Студеницкой лѣтописи (Starine XIII): „нь иже шьдше съ нимь (т. е. съ княземъ Лазаремъ) блаженныи вьсиріеше коньць, нѣціи же страха ради или невѣріа бѣгу юше се“. Въ пергаменномъ прологѣ, описанномъ Даничичемъ (Гласник српског ученог друштва, X 340) имѣется такая запись: „вь сиже дьнь и вь лѣто 6897 бысть бои кнеза Лазара сь Амоуратомь царемь на Косовѣ поли; и тоу многа троупиѥ падоше оть христиань и тоурκь; срьблѥ бо испрва разбили бѣхоу и цара Амоурата оубише, и за побѣжениѥ нѣкоимь оть срьбьскыхь воискь прѣодолѣше тоурци, и бысть велико сьраженіе: убыше же и славнаго срьбьскаго господина кнеза Лазара“. Въ итальянскомъ переводѣ византійской исторіи Іоанна Дуки, составленномъ въ концѣ XV в., говорится о Влаткѣ Вуковичѣ, боснійскомъ воеводѣ, что онъ при первомъ извѣстіи объ измѣнѣ воеводы Драгослава Прибашича (che Dragossavo Trobiscio, capitaneo del campo del dispoto, havea rebellato et voltato le arme contra Christiani) subito volto le spalle et con grande fuga se desparti, tormando verso Bosina con la sua compagnia (Бонское изд. Ducae historia italo interprete incerto, стр. 341).

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра
(изъ Унив. Извѣстій 1889 года).

2007099192